

АРХЕОГРАФИЧЕСКАЯ ЭКСПЕДИЦИЯ АКАДЕМИИ НАУК.
1829—1834 гг.

Археографическое путешествие по России, организованное по проекту П. М. Строева при активном участии Я. И. Бередникова, продолжалось шесть лет, с 1829 по 1834 г., и имело большое значение для развития отечественной исторической науки.¹

Еще в XVIII в. стали осознавать важность разыскания, собирания, всестороннего изучения и издания исторических источников, делались первые успешные шаги на этом пути. Но лишь в начале XIX в. эта деятельность становится на прочную основу и приобретает характер самостоятельного научного направления.

Особенно велика в этом отношении заслуга Румянцевского кружка. Отсюда не раз исходили проекты археографических экспедиций, которые нередко претворялись в жизнь. За годы деятельности кружка было совершено около 20 археографических путешествий в Центральную, Западную Россию и Сибирь, обследовано свыше 130 государственных, церковных и частных архивов и библиотек.²

Одной из наиболее удачных была первая экспедиция П. М. Строева совместно с К. Ф. Калайдовичем в 1817—1820 гг. по монастырям Московской епархии. Она принесла замечательные результаты и показала богатство исторических источников в русских монастырских архивах. Среди уникальных находок экспедиции были Изборник Святослава 1073 г., Судебник 1497 г., Софийский временник и другие памятники.

Впервые мысль об организации «исторической экспедиции» была высказана Строевым в предисловии к Софийскому временнику. Он писал, что археографическое путешествие в «одни северные области России, столь обильные книгохранилищами, по примеру Миллеровской Сибирской, несказанно обогатило бы нашу историю. Время и невежество не замедлят истребить их содержание».³ Однако своих средств Строев не имел, а отношения с графом Н. П. Румянцевым к этому времени были расстроены. В 1822 г. исследователь

¹ Милоков П. Н. Главные течения русской исторической мысли. М., 1897. С. 179—188; Ягич И. В. Энциклопедия славянской филологии. СПб., 1910. С. 171; Пресняков А. Е. Лекции по русской историографии. // Архив ЛОИИ СССР, ф. 297, оп. 1, л. 252, л. 42—44; Успенский М. И. Археографическая экспедиция 1828—1834 гг. // Краеведение. 1928. Т. 5. № 7. С. 425—431; Очерки истории исторической науки в СССР. М., 1955. Т. 1. С. 551—556; Софинов П. Г. Из истории русской дореволюционной археографии. М., 1957. С. 101—104; Корнева И. И. История археографии в дореволюционной России. М., 1969. С. 49—50, 66—71; Валк С. Н. Судьбы археографии // Археографический ежегодник за 1961 г. М., 1962. С. 456—459; Щетинина Г. И. Центры изучения истории в дореволюционной Академии наук // История и историки. М., 1978. С. 202—203.

² Козлов В. П. Колумбы российских древностей. М., 1981. С. 48—50, 69—77, 148—149.

³ Софийская или русская летопись с 862 по 1534 г. М., 1820. Т. 1. С. XI. — Переиздана: НСРП. СПб., 1853. Т. 6. С. 115.

оставил службу в Московском архиве Коллегии иностранных дел и вышел из кружка.⁴

В апреле 1823 г. Строев был единогласно избран действительным членом Общества истории и древностей российских при Московском университете. На первом же заседании Общества он выступил с яркой речью «О средствах удобнейших и скорейших к открытию памятников отечественной истории и об успешном способе обрабатывать оные». В ней Строев изложил программу выявления и сбора источников для успешного развития исторической науки. При этом он выдвигал перед Обществом задачи, выходявшие за рамки его устава,⁵ указывая на необходимость сплошного обследования основных древних хранилищ: «Не довольно Москвы для поприща нашей деятельности: пусть целая Россия превратится в одну библиотеку, нам доступную».⁶

Формирование плана путешествия по России, предложенного Строевым, происходило, как представляется, под воздействием проекта археографических экспедиций, выдвинутого в 1805 г. анонимным автором,⁷ а также предложений К. Ф. Калайдовича, высказанных им 9 мая 1823 г.⁸ Кроме того, возникновение этих замыслов было подготовлено прошлой работой и имело истоки, как считал сам Строев, в деятельности Румянцевского кружка.⁹

Однако эта речь, по признанию самого Строева, не произвела ожидаемого действия и испугала многих грандиозностью замысла, требовавшего больших средств, которых у Общества не было. Другие находили проект «фантастичным», а Строева «самопадаянным» молодым человеком, слишком рано принявшим роль учителя.¹⁰

Впрочем, были и сторонники проекта, среди них Н. М. Карамзин и Е. Болховитинов, по словам Строева, «два законодателя в деле нашей истории».¹¹ Об интересе русской общественности к смелым замыслам ученого свидетельствуют строки писем декабристов В. Д. Сухорукова и А. О. Корниловича,¹² посвященные этому вопросу, а также одобрительный отзыв об экспедиции М. П. Погодина.¹³

Между тем Общество, не утвердив в целом плана, решило сделать пробную поездку в Новгород для осмотра книгохранилища Софийского собора. Она была с успехом осуществлена Строевым, еще раз убедившимся в необходимости археографического путешествия. Осмотрев архив собора и описав 1189 рукописей и 3000 печатных книг,

⁴ Булич С. К. Очерк истории языкознания в России. СПб., 1904. Т. 1. С. 874.

⁵ Журнал первого заседания Общества истории и древностей российских от 18 марта 1804 г. // Чтения ОИДР. М., 1884. Кн. 1. С. 69.

⁶ Цит. по: Барсуков Н. П. Жизнь и труды П. М. Строева. СПб., 1878. С. 67.

⁷ См. об этом: Архив гр. Мордвиновых. СПб., 1902. Т. 3. С. 588—614.

⁸ Корнева И. П. История археографии. . . С. 50.

⁹ Барсуков Н. П. Жизнь и труды П. М. Строева. С. 73.

¹⁰ Там же. С. 74; Булич С. К. Очерк истории. . . С. 889.

¹¹ Цит. по: Успенский М. И. Археографическая экспедиция 1828—1834 гг. С. 427.

¹² Письмо А. О. Корниловича П. М. Строеву от 9 ноября 1823 г. // ОР ГБЛ, ф. 291, № 2249, д. 23; Письмо В. Д. Сухорукова П. М. Строеву от 23 октября 1823 г. // Там же, № 2251, л. 36.

¹³ Московский вестник. 1828. № 12. С. 289.

он писал председателю Общества А. А. Писареву 5 сентября 1823 г.: «... посещение мое Новгородской Софийской библиотеки еще более утвердило меня в истине тех предложений, кои представил я Вам в последнем собрании нашего Общества. При самом поверхностном осмотре монастырских и соборных библиотек история наша много от сего получает, и что без сего предварительного труда и без приведения в известность всех памятников нашей письменности невозможно до совершенства ни политической истории нашей, ни истории литературы славяно-российской».¹⁴ Таким образом, попытка организации путешествия с помощью Общества истории и древностей российских в 1823 г. потерпела неудачу.

Через пять лет Строев вернулся к задуманному предприятию. 18 марта 1828 г. он обратился к президенту Академии наук С. С. Уварову с письмом, в котором предложил совершить археографическую экспедицию по России.¹⁵ К письму он прилагал план путешествия, определив те же цели, которые были им изложены в речи 1823 г. — «обстоятельное познание всех (буде возможно) письменных памятников и пособий отечественной истории, дипломатики, древней статистики, прежнего законодательства и пр.». По плану экспедиция была рассчитана на шесть-семь лет и предусматривала три крупные поездки по Северной, Центральной и Юго-Западной России. При этом Строев сам определил свои задачи: 1) «... тщательно осмотреть все архивы и библиотеки духовного и гражданского ведомства»; 2) «составить обстоятельный каталог» находящихся в них материалов; 3) «со всех актов, статей... примечательных снять копии»; 4) по окончании путешествия каталоги книгохранилищ привести в одну «общую роспись».¹⁶ Археограф должен был также вести записки своего путешествия, а наиболее важные памятники должны были приобретаться для Академии наук.

Согласно Уставу Академии наук, вопрос был передан С. С. Уваровым на рассмотрение Конференции. При поддержке академика Ф. И. Круга, по мнению которого автор проекта был «совершенно чужд побуждений эгоизма и корысти»,¹⁷ Конференция 29 мая 1828 г. приняла предложение Строева и ассигновала на организацию экспедиции 10 000 руб. в год, «будучи совершенно согласна с г. Кругом в том, что такое путешествие есть священный долг, от коего первое в государстве ученое сословие не может отказаться».¹⁸

Однако Строев находил эти средства «крайне недостаточными» и просил об оказании большей помощи, указывая в донесении от 11 января 1829 г. исполняющему обязанности президента Академии наук А. К. Шторху на необходимость «циркуляров, способствующих

¹⁴ Цит. по: Барсуков Н. П. Жизнь и труды П. М. Строева. С. 77—78.

¹⁵ ЦГИА СССР, ф. 733, оп. 12, д. 528 (По представлении президента Академии наук об археографическом по России путешествии Строева).

¹⁶ Там же.

¹⁷ Археографическая экспедиция Академии наук. 1828—1834: Сборник материалов. Л., 1930. Вып. 1. С. 12.

¹⁸ Там же. С. 13.

экспедиции».¹⁹ Результатом было то, что Академия наук получила от министерств внутренних дел, народного просвещения, финансов, Почтового департамента особые предписания — «открытые листы» о содействии подчиненных им губернских учреждений экспедиции Строева.²⁰ Только Синод дал подобное предписание лишь через год, после длительной переписки и даже специальной поездки Строева в Петербург в августе 1830 г.²¹

По мнению Ю. М. Критского, специально исследовавшего деятельность Синода в ходе экспедиции, явное и упорное недоброжелательство хранителей монастырских архивов было основано не только на нежелании их ознакомить научную общественность с документами, показывающими «назначение монастырей как оплотов самодержавия», но и на недостаточном знании церковнослужителей старинного монастырского делопроизводства и месте нахождения многих грамот.²² На запрос Академии наук о содействии археографу, в частности о предоставлении ему помещения для работы, Синод в отношении от 8 февраля 1829 г. отказал в этом, мотивируя, что в данном случае «может быть монашествующим притеснение».²³ В записке А. Н. Шторху от 12 января 1829 г. Строев писал с сарказмом, что «библиотеки и архивы Духовного ведомства для нас доступны и извлечения из них делать позволено, но где жить и работать!».²⁴

Утвержденным Академией наук планом путешествия было предусмотрено предоставить Строеву двух писцов и художника для снятия факсимиле с наиболее важных в палеографическом отношении документов. Выбор спутников Конференция предоставила начальнику экспедиции. Строев пригласил двух чиновников Московского архива Коллегии иностранных дел — коллежского секретаря Н. С. Лебедева и протоколиста И. Л. Городского, а также коллежского регистратора Н. И. Барчевцева.²⁵ С ними он заключил соглашения, состоящие из 12 пунктов, которые, по его мнению, должны были способствовать успеху предприятия. Основными условиями их участия в экспедиции Строев выдвинул «трудолюбие и деятельность в отношении к делу», а также «дружеское участие, согласие и человеколюбие к товарищу».²⁶

При организации путешествия Строев выдвинул еще одну важную проблему подготовки кадров архивных работников. На заседании Общества истории и древностей российских он выступил с проектом

¹⁹ Андреев А. И. Из переписки П. М. Строева // Летопись занятий Археографической комиссии. Л.: 1929. Т. 35. С. 196.

²⁰ Там же. С. 15—19, 44—54; ОР ГБЛ, ф. 291, № 2242 (Материалы [Археографической экспедиции], л. 25, 26, 38, 41).

²¹ Барсуков Н. П. Жизнь и труды П. М. Строева. С. 202—203.

²² Критский Ю. М. К вопросу о значении научного наследия русских ученых XIX—начала XX в. для борьбы с религиозной идеологией в Поморье // Архангельское Поморье: История и культура. Архангельск. 1983. С. 130—131.

²³ Там же. С. 48.

²⁴ Археографическая экспедиция... С. 98.

²⁵ Там же. С. 23—29; Письмо Н. С. Лебедева П. М. Строеву от 20 августа 1829 г. // ОР ГБЛ, ф. 291, № 2249, л. 28.

²⁶ Археографическая экспедиция... С. 31.

присоединения к Археографической экспедиции студентов Московского университета с целью «развития и усовершенствования историко-археологических талантов». Но, несмотря на явную нехватку таких специалистов, университет даже не ответил на его запрос о помощи экспедиции.²⁷

15 марта 1829 г. экспедиция выехала из Москвы в Архангельск. В том же году она посетила Архангельскую и Вологодскую губернии. Были обследованы библиотеки и архивы г. Архангельска, монастырей Архангельской губернии — Антониево-Сийского, Николаево-Корельского, Архангельского, Крестного, Красногорского, Веркольского, Шенкурско-Троицкого — и соборов — Холмогорского, Шенкурского, Успенского, Верховажского, монастырей Вологодской губернии — Спасо-Прилуцкого, Коряжемского и Устюжско-Архангельского — и городов Вологды, Тотьмы, Устюга, Сольвычегодска, Шенкурска, Яренска и др.²⁸

Первые успехи путешествия далеко превзошли ожидаемые от него результаты. Было собрано огромное число документов, главным образом государственных и монастырских грамот, о чем Строев писал в донесении в Академию наук от 24 мая 1829 г.: «Я собрал здесь материалов более, нежели мы предполагали, это несказанно бодрит дух мой к будущим изысканиям в места, несравненно богатейшие историческими документами».²⁹

Между тем бездорожье не позволило путешественникам посетить Колу, Кемь, Мезень, Сумы и Пустозерск, по мнению Строева, «места важные в археографическом отношении».³⁰ В 1829 г. не был обследован и богатейший архив Соловецкого монастыря, хотя по рекомендации Академии наук именно с этого «нечерпанного кладезя древностей» следовало начать осмотр древлехранилищ северных губерний.³¹ Еще в мае 1829 г., в первые месяцы пребывания экспедиции на Севере, Строев со своими спутниками собирался «шереплыть на Соловецкий остров... и заняться книгохранилищем и архивом тамошнего монастыря, коих еще не касались знающие антикварию». Но трудности переезда на остров помешали исполнению замысла.³²

Результаты Северной экспедиции чрезвычайно интересовали научную общественность. В одном из писем Строеву Г. А. Розенкампф писал: «Избранная Вами точка обозрения Русского, еще девственного Севера мне понравилась... Для нашей отечественной истории нет ничего полезнее».³³

Всего за восемь месяцев работы на Севере, с марта по ноябрь 1829 г., были просмотрены «хранилища книг и старины» от «Онеж-

²⁷ Барсуков Н. П. Жизнь и труды П. М. Строева. С. 161.

²⁸ Археографическая экспедиция... С. 55—87; Барсуков Н. П. Жизнь и труды П. М. Строева. С. 177—196; Корнева И. И. История археографии... С. 67.

²⁹ Археографическая экспедиция... С. 64.

³⁰ Там же. С. 57—58.

³¹ Там же. С. 57—58, 83.

³² Там же. С. 69—83, 90.

³³ Письмо Г. А. Розенкампа П. М. Строеву от 16 ноября 1829 г. // ОР ГБЛ, ф. 291, № 2249, л. 45, л. 460, 461.

ской губы до верхней Пинеги, от Архангельска до Вологды, от Тотьмы до пределов Зырянских». ³⁴ Было обследовано 10 уездных городов, 33 монастыря, собрано для публикации свыше 500 документов. В годовом отчете Академии наук от 28 ноября 1829 г. Строев, давая оценку результатам Северной экспедиции, писал: «Двина и Поморье суть земли классические для историка русского. . . Надеюсь, что выводы полугодового пребывания моего на берегах Двины, Онеги, Пинеги, Ваги, Вычегды, Сухоны небесполезны для пояснения многих сказаний древности и предания истинного колорита некоторым периодам отечественного бытописания и озарят наше деписание живым светом истины». ³⁵

В январе 1830 г. оба спутника Строева подали в отставку по болезни, ³⁶ а с марта 1830 г. к экспедиции присоединился Я. И. Бередников, до того служивший коллежским регистратором Новгородского губернского правления. ³⁷

В течение последующих пяти лет (с августа 1830 по октябрь 1834 г.) экспедиция занималась исследованием древних храмов, центральных и северо-западных губерний России — Костромской, Московской, Тверской, Ярославской, Владимирской, Нижегородской, Вятской, Казанской, Петербургской, Новгородской, Псковской, Пермской, Олонецкой и Петрозаводской. За это время Строевым были осмотрены Московская Синодальная библиотека и библиотеки и архивы Московской духовной академии, Троице-Сергиевской Лавры, новгородского Софийского собора, Иосифо-Волоколамского, Симонова, Саввы-Сторожевского, Суздальского, Покровского, Спасо-Ефимьевского, Ипатьевского, Макарьево-Успенского и Кирилло-Белозерского монастырей. ³⁸ Весной 1834 г. Бередников совершил вторую Северную археографическую экспедицию, в результате работы которой за четыре месяца было найдено свыше 600 грамот в архивах монастырей Нило-Столбенского, Макарьево-Калязинского, Александро-Свирского, Зеленецкого, Валдайско-Иверского, Богородицко-Свияжского, Челмогорского, Спасского Каргопольского, Тихвинского Успенского, Новоторжско-Ефремовского. ³⁹ Первым из ученых Бередников получил доступ к архиву Соловецкого монастыря, описав при этом свыше 95 рукописей XVI—XVIII вв. ⁴⁰

³⁴ Археографическая экспедиция. . . С. 90.

³⁵ Там же. С. 90—92.

³⁶ Там же. С. 98; Письмо И. Л. Городского П. М. Строеву от 8 января 1830 г. // ОР ГБЛ, ф. 291, № 2249, д. 12, л. 466.

³⁷ Письмо Я. И. Бередникова П. М. Строеву от 5 февраля 1830 г. // Археографическая экспедиция. . . С. 97—98.

³⁸ Археографическая экспедиция. . . С. 102—122; Барсуков Н. П. Жизнь и труды П. М. Строева. С. 206—280; ОР ГБЛ, ф. 291, № 2242 (Материалы Археографической экспедиции 1831—1832 гг.), л. 1—68; № 2243 (Материалы Археографической комиссии), л. 1—68, 114—116, 160—162; № 2241, л. 345.

³⁹ Барсуков Н. П. Жизнь и труды П. М. Строева. С. 267—272; Критский Ю. М. К вопросу о значении научного наследия. . . С. 132—133.

⁴⁰ См. об этом: Кукушкина М. В. Монастырские библиотеки Русского Севера. Л., 1977. С. 24; Критский Ю. М. К вопросу о значении научного наследия. . . С. 132—133.

О ходе работы и успехах экспедиции Строев информировал научную общественность, публикуя краткие сообщения о паходках в «Санктпетербургских ведомостях». После окончания путешествия им был издан сводный каталог материалов, найденных экспедицией, содержащий краткие характеристики документов и указания о месте их нахождения.⁴¹

За шесть лет работы экспедиция посетила 14 губерний Европейской России и осмотрела более 200 хранилищ, выявив и собрав тысячи документов, которые, по словам Строева, «способны осветить ярко государственный и народный быт России в XIV—XVIII столетиях, а posteriori и в XIII столетии». ⁴² Были составлены каталоги древних рукописей и старопечатных книг, хранящихся главным образом в монастырских и соборных архивах и библиотеках. ⁴³ При этом материалы архивов Духовного ведомства были более раннего времени (начиная с XIV в.), чем акты гражданских собраний, которые относились преимущественно к XVI в. Но эти документы, как писал Строев, «главнейшие пособия отечественной истории — государственной, церковной, народной», очень часто уничтожались церковными властями. «Настоятели монастырей, соборов. . . распоряжаются ими своевольно, отчуждают, портят, даже истребляют», — писал исследователь. ⁴⁴ Поэтому для лучшей сохранности древнейших памятников Строев предлагал «собрать воедино древние рукописи» из монастырей и создать в Москве и Петербурге государственные исторические архивы под наблюдением Академии наук для сосредоточения всех исторических источников, «разбросанных наиболее без пользы по пространству империи и день на день от многих причин умаляющихся». ⁴⁵

Прогрессивные взгляды Строева на задачи и предмет истории определили и отбор материалов экспедиций. Во время путешествия наибольшее внимание было уделено сбору документов, в основном относящихся к истории социально-экономических отношений в России, права, государственного и местного управления.

В 1832 г. материалы, собранные и подготовленные к печати в 4 томах, были представлены Строевым в Академию наук. В приложенной к ним «Записке» о ходе работы экспедиции Строев писал, что «теперь ученый свет узнает число подлинников исторических материалов от Пскова до Уральских гор и от Москвы до Белого моря». ⁴⁶ Президент Академии наук С. С. Уваров преподнес эти со-

⁴¹ Журнал Министерства народного просвещения. 1834. № 2.

⁴² ОР ГБЛ, ф. 291, № 2243 (Материалы Археографической экспедиции), л. 115—116.

⁴³ В настоящее время эти каталоги хранятся в Архиве ЛОИИ СССР АН СССР (кол. 11, № 1—146), а также в Отделе рукописей ГБЛ (ф. 291, № 2240). Часть их издана А. Ф. Бычковым под названием «Библиографический словарь и черновые материалы к нему П. М. Строева» (СПб., 1882).

⁴⁴ Цит. по: Барсуков Н. П. Жизнь и труды П. М. Строева. С. 256.

⁴⁵ ОР ГБЛ, ф. 291, № 2242 (Материалы Археографической экспедиции), л. 293.

⁴⁶ Записка об Археографической экспедиции за 1832 г. // ОР ГБЛ, ф. 291, № 2241, л. 345.

кровища Николаю I, который, прочитав их «от доски до доски» на заседании Государственного совета 19 января 1833 г. сказал: «... вместо новых законов я сперва велел собрать вполне и привести в порядок те, которые уже существуют».⁴⁷ Таким образом, разыскания Строева стали весьма важными для подготовки издания «Полного собрания законов Российской империи» Комиссией М. М. Сперанского, который не раз обращался к Строеву с просьбами о присылке необходимых ему документов и передаче сведений о них.⁴⁸

Результаты археографического путешествия, успех его в научном мире и официальное признание, а также интерес, проявленный к нему в разных кругах общества, привели Строева к убеждению, что следует не только описывать и каталогизировать найденные документы, но и полностью их издавать.

В своем отчете об итогах работы экспедиции за шесть лет в декабре 1834 г., оглашенном на торжественном собрании Академии наук, Строев писал: «... сделан подвиг самый важный и первой необходимости — собраны воедино разрозненные письменные памятники прошлого». Но «всякое начинание предполагает конец вожделенный». Этим концом он и считал издание документов по его, как он писал, указаниям. В 1835 г. сразу после завершения работ Строев хотел переехать в Петербург, чтобы приступить к печатанию материалов. Итак, «путешествующий археограф» намеревался изменить свое положение и стать издателем собранных им уникальных памятников.⁴⁹ Кроме того, Строев предполагал продолжить осмотр древлехранилищ Москвы и Петербурга, а также поручить Березникову совершить археографические путешествия на Украину, в Белоруссию и Прибалтику.⁵⁰

24 декабря 1834 г. при Министерстве народного просвещения была создана предположенная Строевым Комиссия для издания собранных Археографической экспедицией актов. В ее состав первоначально вошли П. М. Строев, Н. Г. Устрялов, Я. И. Березников, К. С. Сербинович.⁵¹ Возглавил же ее П. А. Ширинский-Шихматов, «не имевший никакого отношения не только к экспедиции, но и вообще к исторической науке».⁵² Впоследствии Строев в письме А. А. Кунику от 5 апреля 1858 г. дал ему следующую характеристику: «Князь Ширинский-Шихматов, как чистый бюрократ, не был способен по-

⁴⁷ Цит. по: Барсуков Н. П. Жизнь и труды П. М. Строева. С. 231. — По свидетельству ряда авторов (Собинин П. Г. Из истории. . . С. 104; Корнева И. И. История археографии. . . С. 70; Валк С. Н. Судьбы археографии. С. 458), Строев представил Академии наук материалы экспедиции в 1834 г. Данная дата, по нашему мнению, является ошибочной. См.: Барсуков Н. П. Жизнь и труды П. М. Строева. С. 230—231.

⁴⁸ Археографическая экспедиция. . . С. 118, 119; Барсуков Н. П. Жизнь и труды П. М. Строева. С. 113.

⁴⁹ Барсуков Н. П. Жизнь и труды П. М. Строева. С. 276—278; Валк С. Н. Судьбы археографии. С. 458.

⁵⁰ План действий Археографической экспедиции в 1834 г. // ОР ГБЛ, ф. 291, № 2243, д. 91, л. 160; Корнева И. И. История археографии. . . С. 70.

⁵¹ Отчеты о занятиях Археографической комиссии за 25 лет существования. СПб., 1860. С. 9; Барсуков Н. П. Жизнь и труды П. М. Строева. С. 281—291.

⁵² Валк С. Н. Судьбы археографии. С. 458.

принимать интересов науки, ученые затруднения разрешал самовластным и был, так сказать, олицетворенная канцелярская форма...». ⁵³ Поэтому Строев, «уже испытавший на себе зависимость от спятельных», но не очень знающих людей, вероятно, тяготился этим извещением администрированием. Тем более что на первом же заседании комиссии 8 января 1835 г. подготовка издания историко-юридических актов, собранных экспедицией, была поручена не ему, а его помощнику Бередникову. ⁵⁴ Прошло немногим более полугода, и 5 августа 1835 г. Строев вышел из состава членов комиссии. ⁵⁵

Археографическая экспедиция (1829—1834 гг.) оставила заметный след в исторической науке, особенно в развитии археологии, хотя план ее не был выполнен полностью. Остались необследованными древлехранилища некоторых центральных губерний России — Смоленской, Калужской, Орловской, Курской, Тульской, Рязанской, Тамбовской, Воронежской, Пензенской, Симбирской, Саратовской; вне сферы ее деятельности оставались Астраханская, Оренбургская губернии, Новороссийский край, области Войска Донского и Кавказ. ⁵⁶

Следует отметить и некоторые негативные моменты в организации и проведении Археографической экспедиции. Одним из них было увлечение Строева идеей собирания материалов в отдаленных губерниях, что приводило к тому, что многие акты, хранящиеся в центральных древлехранилищах в подлинниках, издавались в копиях, найденных в местных архивах. При этом, поскольку экспедиция не имела да и не могла иметь по состоянию архивного дела в России того времени предварительных сведений о составе документальных собраний, выявлялась определенная случайность в их отборе. И наконец, из-за недостатка времени в некоторых хранилищах были обнаружены не все документы. Позднее многие из них оказались утраченными, так как полагали, что после работы экспедиции оставшиеся материалы не представляли научной ценности. ⁵⁷

Еще одна сторона деятельности организаторов экспедиции, которая привлекала внимание общественности, а затем и исследователей, заслуживает того, чтобы остановиться на ней специально. Строевым и Бередниковым за время разысканий в различных хранилищах были отобраны для себя и скрыты от Академии наук многие уникальные памятники древнерусской письменности. Таким образом, ими были составлены свои рукописные собрания или пополнены коллекции других лиц. ⁵⁸

Сразу после выхода в свет в 1878 г. книги Н. П. Барсукова о творчестве Строева на нее появилась анонимная рецензия в «Рус-

⁵³ ОР ГБЛ, ф. 291, № 2248, д. 12, л. 36.

⁵⁴ Протоколы заседаний Археографической комиссии. 1885—1892. СПб., 1895. Т. 1. С. 1—3; Софинов П. Г. Из истории... С. 104.

⁵⁵ Там же. С. 41.

⁵⁶ Протоколы заседаний Археографической комиссии... С. 228.

⁵⁷ См. об этом: Корнева И. И. История археологии... С. 70—71.

⁵⁸ См. об этом: Андреев А. И. Из переписки П. М. Строева. С. 221—230; Очерки истории исторической науки в СССР. С. 551—556; Корнева И. И. История археологии... С. 70—71.

ком вестнике», автор которой отрицательно отзывался о деятельности Строева и обвинял его в профессиональной недобросовестности.⁵⁹ Рецензент упрекал Строева в том, что он составил свою уникальную коллекцию древних рукописей незаконным путем во время работы Археографической экспедиции 1829—1834 гг., «выдергивая и вырезая. . . наиболее редкие и любопытные статьи». Автор рецензии ссылался на тот факт, что еще в 40-х гг. XIX в. харьковский епископ Иннокентий нашел в собрании М. П. Погодина⁶⁰ рукопись, принадлежавшую Московскому архиву Коллегии иностранных дел, но исчезнувшую отсюда.⁶¹ В следующем номере «Русского вестника» были напечатаны ответ сына П. М. Строева — А. П. Строева и объяснения редактора журнала М. Н. Каткова по поводу этого «шедодразумения».⁶² А. П. Строев справедливо требовал от рецензента фактического подтверждения обвинений и доказывал, что П. М. Строев имел право «те рукописи, которые не подходили под давшую его программу (богословие и законоведение), покупать для собственной библиотеки».⁶³

Вопрос о способах составления Строевым его рукописного собрания возник сразу после создания Археографической комиссии⁶⁴ и затем не раз привлекал внимание исследователей в конце XIX в. Действительно, большую часть своей коллекции Строев составил в годы деятельности экспедиции (1829—1834 гг.). При этом он приобретал рукописи не только у частных лиц, но и в общественных хранилищах. Это объясняется не только «археографическим любопытством» Строева, но и «недостаточным пониманием значения памятников со стороны тогдашних хранителей древностей». Поэтому было бы совершенно неверно представлять Строева заурядным «выдергивателем» и «расхитителем» монастырских хранилищ, как это делают некоторые дореволюционные и советские исследователи.⁶⁵

Свою рукописную коллекцию Строев начал собирать еще в студенческие годы. Затем за время первой Археографической экспедиции (1817—1820 гг.)⁶⁶ и Археографической экспедиции Академии

⁵⁹ Русский вестник. 1878. Т. 139. С. 882—893.

⁶⁰ В Погодинское собрание, которое составлялось в течение 25 лет, помимо собрания Строева входило еще восемь частных коллекций — Н. П. Филатова, И. Лантева, Г. И. Спасского и других.

⁶¹ Русский вестник. Т. 139. С. 890—891.

⁶² Там же. 1879. Т. 140. С. 455—477.

⁶³ Там же. С. 456.

⁶⁴ РО ГБЛ, ф. 291, № 2243, л. 13, 415, 416; Андреев А. И. Из переписки П. М. Строева. С. 221, 230.

⁶⁵ Белокуров С. В. Сильвестр Медведев об исправлении богослужебных книг при патриархе Никоне и Иоакиме // Христианские чтения. СПб., 1885. С. 703—708; Бычков А. Ф. Описание церковнославянских и рукописных сборников и книг пмп. Публичной библиотеки. СПб., 1883. Вып. 1. С. 350—365; Жмакин В. Поездка в Волоколамский монастырь // Древняя и новая Россия. СПб., 1880. Т. 16. № 1—4. С. 21—36; Успенский М. И. Археографическая экспедиция 1828—1834 гг. С. 430.

⁶⁶ Однако есть свидетельства об изъятии рукописей и из подмосковных монастырских хранилищ, о чем говорит тот факт, что многие рукописи, указанные Строевым в «Описании рукописей монастырей. . . Московской епархии» (М.,

инок она была существенно пополнена. Кроме того, во время составления им каталогов древних рукописей и книг графа Ф. А. Толстого и купца И. Н. Царского Строев имел возможность просматривать и приобретать материалы у известных собирателей того времени,⁶⁷ а после смерти К. Ф. Калайдовича в 1832 г. купил и его рукописное собрание.⁶⁸

Таким образом, хотя Строев и имел возможность для создания собственного собрания древних рукописей вполне добропорядочным способом, следует все же признать, что обвинения Строева анонимным автором рецензии в «Русском вестнике» были в значительной мере справедливы. Так, С. М. Каптанов в своей работе, посвященной истории русской дипломатики, анализируя сборники Погодинского собрания, убедительно доказал, что листы с текстами грамот XV—XVII вв. были вырезаны Строевым из копияных книг Троице-Сергиевского, Симонова, Кирилло-Белозерского, Двинского, Михайло-Архангелогородского монастырей во время работы Археографической экспедиции в 1831 г. Причем, как пишет Каптанов, «заново формируемый сборник не сопровождался ссылками на источник, из которого кусок рукописи изымался. Больше того, наблюдается стремление составителя уничтожить следы прежних нумераций листов»⁶⁹ и документов в сборнике.

Подобные примеры приводит также Р. П. Дмитриева, обнаружившая вторую часть летописи, принадлежавшей Кирилло-Белозерскому монастырю, в Погодинской библиотеке.⁷⁰ Б. М. Клосс, говоря об источниках Нпкоповского свода, указывает на изъятие Строевым памятника «Хождение митрополита Пимена в Царьград», который им был найден в Погодинском собрании (№ 1563).⁷¹ Д. С. Лихачев, исследовавший вопрос о Холмогорском списке Псковской летописи, считает, что в 1829 г. этот список был вывезен Строевым из Холмогорского архива и положен в основу своего частного собрания. В период издания актов Археографической экспедиции Строев передал этот список во временное пользование Археографической комиссии, которая напечатала из него отрывок. В 1842 г. он вместе с другими материалами был продан М. П. Погодину, а в 1851 г. Погодин-

1891) и в его письме от 29 августа 1817 г. К. Ф. Калайдовичу (ОР ГИБ, ф. 328, л. 445, л. 13—14 об.), отсутствуют в собраниях монастырей (ГБЛ, Вол., № 421, 504; ГИМ, Епарх., № 399, 626). Кроме того, о нелегальном приобретении Строевым из Иосифо-Волоколамского монастыря Судебника 1497 г. см.: Козлов В. П. Колумбы российских древностей. С. 83—84.

⁶⁷ Барсуков Н. П. Жизнь и труды П. М. Строева. С. 238, 302—305.

⁶⁸ Письмо И. Ф. Калайдовича П. М. Строеву от 19 сентября 1832 г. // РО ГБЛ, ф. 291, № 2250, д. 13.

⁶⁹ Каптанов С. М. Очерки русской дипломатики. М., 1970. С. 338—340; см. также: Ивина Л. И. Крупная вотчина Северо-Восточной Руси XIV—первой половины XVI в. Л., 1979. С. 20, примеч. 4.

⁷⁰ Дмитриева Р. П. Взаимоотношение списков «Задонщины» и текста «Слова о полку Игореве» // «Слово о полку Игореве» и памятники Куликовского цикла: К вопросу о времени написания «Слова». М.; Л., 1966. С. 251.

⁷¹ Клосс Б. М. Никоновский свод и русские летописи XVI—XVII вв. М. 1980. С. 73.

ское собрание попадает в Государственную публичную библиотеку, где и хранится поныне.⁷²

Изучению истории строевского собрания посвящена статья американского исследователя Д. К. Уо.⁷³ Он справедливо указывает, что хищения рукописей для конца XVIII—начала XIX в. были не столь уж редким явлением. И действительно, достаточно вспомнить историю приобретения «Слова о полку Игореве» из монастырского архива, а не из личного собрания архимандрита Спасо-Ярославского монастыря знаменитым А. И. Мусковым-Пушкиным⁷⁴ или указать на примеры пополнения своих собраний за счет монастырских библиотек и архивов профессором Х. Ф. Матеем, архимандритом П. Успенским и В. И. Григоровичем.⁷⁵ Д. К. Уо считает, что побудительными мотивами к подобного рода деятельности могли быть не только финансовые соображения. «Такие люди, как Строев, — пишет автор, — имели основания быть уверенными, что, если бы они не взяли самых ценных рукописей, те могли затеряться или быть испорченными».⁷⁶

Такая трактовка вопроса представляется не вполне правомерной, хотя она и совпадает с доводами, приведенными А. П. Строевым в упоминаемой выше статье.⁷⁷ Поскольку вырезанные Строевым из рукописных сборников материалы надолго исчезли из научного оборота, что затрудняло работу исследователей на протяжении длительного времени, потребовалось много труда, чтобы обнаружить их вновь.

Общие результаты Археографической экспедиции Академии наук (1829—1834 гг.) были весьма впечатляющими. Они открыли и сделали известными документальные богатства многих древлехранилищ. Собранные во время этой экспедиции документы составляли основу фундаментальных публикаций Археографической комиссии и дали в распоряжение исследователей обширный и разнообразный материал по истории России.

Сам Строев считал успехи археографических путешествий чрезвычайно важными. Он писал: «Должны же когда-нибудь исчезнуть... те грубые несообразности, преувеличения, торжественные плаксивые прикрасы, кои порождены изобретательным воображением новейших исторических писателей за недостатком старания отыскивать документы старины».⁷⁸

⁷² Лихачев Д. С. Текстология: На материале русской литературы X—XVII вв. 2-е изд. Л., 1983. С. 111—114.

⁷³ Уо Д. К. К изучению истории рукописного собрания П. М. Строева // ТОДРЛ. Л., 1977. Т. XXXII. С. 133—164.

⁷⁴ См. об этом: Прийма Ф. Я. К истории открытия «Слова о полку Игореве» // Там же. М.: Л., 1956. Т. XII. С. 52—53.

⁷⁵ Уо Д. К. К изучению истории... С. 162.

⁷⁶ Там же. С. 162.

⁷⁷ Русский вестник. Т. 140. С. 462.

⁷⁸ ОР ГБЛ, ф. 291, № 2243 (Материалы Археографической комиссии), д. 87, л. 115—116.